

веча это не накладывает какого-либо существенного впечатления (он как прежде посещает мероприятия, приёмы, даже продвигается по службе), то жизнь Анны меняется кардинально: она становится затворницей поневоле, весь свет отворачивается от неё, двери салонов и «приличных» домов для неё закрыты. Такое отторжение, неспособность самореализоваться в сложившихся обстоятельствах ставят героиню на деструктивный конфликтный путь, что неминуемо ведёт к трагической развязке. При этом Анну ни в коем случае нельзя, на наш взгляд, возносить и делать из неё некий «образ свободной женщины» в феминистическом понимании, ибо Анна творит зло из собственных эгоистических побуждений, но, опять же, не следует забывать и о том, что из страданий ничего не рождается, кроме зла. Так, в романе описывается брак Анны с нелюбимым Карениным, что не могло не спровоцировать начала внутреннего конфликта, который, вызревая постепенно, со временем достиг своего апогея в виде сначала абсолютно тупиковых отношений с Вронским, унижения и осрамления пусть нелюбимого, но мужа, предательства по отношению к сыну, а затем самоубийства главной героини, раздираемой противоречиями. Так, одно первоначальное зло, как то брак по сговору, породило цепочку дальнейших зол. Анна есть тип невротической личности, движущейся, согласно теории К. Хорни, против людей. Такой тип поведения описывается примерно следующим образом: «В то время как подчиненный тип стремится к мирному улаживанию дел, агрессивный тип делает все, что в его силах, чтобы быть хорошим бойцом. Он бдителен и проникателен в споре и не откажется от брани, чтобы доказать свою правоту. Он может проявить все свои лучшие качества, если окажется припертым к стене и у него не останется никаких альтернатив, кроме борьбы. В отличие от подчиненного типа, который боится выигрывать, агрессивный тип плохо переносит проигрыши и без колебаний стремится к победе. Он готов обвинять других с такой же страстью, с какой подчиненный тип берет вину на себя. Ни в том, ни в другом случае учет реальной вины не играет никакой роли. Подчиненный тип, когда признает себя виновным, никоим образом не убежден, что это именно так; им движет потребность мирного решения проблемы» [2, с. 41]. Подобное заключение подтверждается и одним из эпизодов романа: «Вспоминая те жестокие слова, которые он сказал, Анна придумывала ещё те слова, которые он, очевидно, желал и мог сказать ей, и всё более и более раздражалась. Все самые жестокие слова, которые мог сказать грубый человек, он сказал ей в её воображении, и она не прощала их ему, как будто он действительно сказал их» [3, с. 561]. Таким образом, как пишет об этом К. Хорни, враждебная реакция может возникать не только в ответ на отвержение или на то, что воспринимается как отвержение, но также в ответ на предчувствие отвержения [2, с. 56].

Таким образом, приведённый пример показывает, как одно зло, произошедшее под воздействием культурных стандартов, а именно брак без любви, образовало череду негативных последствий, т.е. пренебрежение близкими людьми, непристойный во всех смыслах образ жизни и, как следствие, депрессия, разочарование и суицид героини. Несмотря на всю внешнюю непривлекательность ситуации, следует заметить, что Анна, её жизнь, её поступки – это активное сопротивление, война против традиционных устоев и гендерного неравенства. Да, её попытки неумелые, хаотичные, носят ярко выраженный деструктивный характер, но само их наличие уже есть свидетельство некоего проблеска во мраке бытия.

Совсем же иным в свете представленных событий предстаёт пред нами другой персонаж – Дарья Александровна, или Долли, супруга Степана Аркадьевича. Она также, будучи одержима внутренними конфликтами, находясь в жёстких рамках существующей социальной системы, тяготеет своим положением, но в отличие от Анны, в ней нет того безумного огня, способного толкнуть на пусть и отчаянные и бессмысленные, но всё же шаги на пути к освобождению. Весьма точно подобный тип личности

описывается в одной из работ К. Хорни: «Подчиненный тип, проявляет все черты, которые соответствуют людям, “движущимся к”. Этот тип демонстрирует заметную потребность в любви и одобрении, а также специфическую потребность в партнере, друге, любящем существе – муже или жене, “который должен осуществить все жизненные ожидания невротика и нести ответственность за все происходящее, как хорошее, так и плохое, причем успешное манипулирование партнером становится доминирующей задачей”. Из-за неразборчивой природы своих влечений подчиненный тип склонен переоценивать свою близость и общие с окружающими интересы и пренебрегать разделяющими факторами. Подобная неверная оценка людей вызвана не глупостью или неспособностью наблюдать, а обусловлена компульсивной природой его влечений. В итоге, данный тип невротика нуждается в том, чтобы он нравился, нуждается в том, чтобы быть нужным, важным для других, в особенности, для какой-нибудь одной конкретной личности; нуждается в том, чтобы ему помогали, его защищали, оберегали, им руководили» [2, с. 35].

Осознавая себя жертвой, не в силах раскрыться, она ненавидит свой образ жизни, свою бытовую повседневность, медленно и методично убивающую физически и духовно; но пойти против людей у неё не хватает некой безумной смелости, которая есть у Анны, и потому Долли идёт к людям, прощая мужу безответственность и поверхностность, рожая от него детей (сама не зная для чего). Вот как описывает жизнь Долли Толстой: «Да и вообще, – думала Дарья Александровна, оглянувшись на всю свою жизнь за эти пятнадцать лет замужества, – беременность, тошнота, тупость ума, равнодушие ко всему и, главное, безобразию» [3, с. 455]. Самое прискорбное в случае с данным персонажем то, что Долли полностью осознаёт и своё бедственное во всех смыслах положение, и то, что она сама в какой-то степени виновата в нём, но она ничего не делает против этого, и всё ограничивается тихими жалобами про себя – реквиемом по своей загубленной серой жизни.

Чувствуя острую потребность в любви, и Анна, и Долли подвержены целому ряду невротических конфликтов, связанных как с укладом семейной жизни и быта, так и с собственной реализацией в рамках культуры и общества. Различие их лишь в том, что Долли направлена к людям, бесконечно идя всем и вся на уступки, часто в ущерб собственным интересам и принципам, а Анна направлена против людей, подвергая их (мужа и любовника в первую очередь) агрессивным нападкам, которые на деле не что иное, как извращённая жажда любви и внимания, своеобразное признание своего вынужденного одиночества в рамках социальной общности, с которой у неё попросту нет никаких взаимных отношений, кроме неприязни и непонимания.

Особенности личностных типов персонажей романа «Анна Каренина» в условиях внешних и внутренних конфликтов

В ходе анализа мы можем увидеть, что автор проводит параллели между двумя этими женщинами, показывая, что они приобретают и чем они во имя этого жертвуют. Жертва Анны в данном случае очевидна, очевидна потому, что её социальные связи разрушены, новые же в рамках своей культурной общности она выстроить не может, в результате оказываясь не у дел, что и разрушает её окончательно. Это есть расплата за протест, высказанный в адрес устоявшейся морали и культуры, за попытку мести своему прошлому. Жертва Долли менее очевидна, что, впрочем, объяснимо, ибо и сама Дарья Александровна – особа гораздо более традиционного, спокойно-пассивного уклада, свойственного основной массе женщин. Ей, несмотря на всю тупиковость и бессмысленность положения, дорога её социальная база в виде семьи. Дети есть оправдание всех жертв. Как следствие, жертвенность Долли прослеживается в её серой, наполненной физическими и духовными страданиями, безмолвной жизни, в неимении права

на протест, ібо разум ёё рацыяналізуе ўсе унізітэльныя ўступкі і ўвогуле ўсё цягостнае бремя ёё жыцця. Характэрны гэты псіхатып, К. Хорні піша: «Умова быць несчасным і страдаць можа датычыцца, напрыклад, домашняй ці прафесійнай жыцця, якая падсвядомльна выстраіваецца так, што чалавек перапрацавае ці вымушана прыносіць цягостныя жывы «рады сям'і». Так, мы часта назімаем, як пасля свадзьбы людзі опускаюцца, іх развіццё ідзе ўспяць, будзь то ў прафесійнай кар'еры ці ў інтэлектуальнай сфэры. І, канечна ж, гэта бесчлісныя выпадкі прыслужніцтва ў свайго партнёра, прычым становішча раба прымаецца па сваёй волі, з свядомым насладжэннем сваім велікім чутвом адказнасці. Глядзя на такія бракі, удзіваешся: чаму яны не разваліваюцца, а часта, наадварот, вельмі стабільны? Ну, па размышленні, як я ўжо гаворыла, разуміеш, што менавіта выкананне ўмовы несчаснасці і ёсць гарантыя неразрывнасці саюза» [1, с. 35–36].

Следуе таксама згадаць і Кіці Шчэрбацкай – сястры Доллі, якую аўтар, па нашаму меру, ставіць на распутце, і яна, з аднаго боку, будучы заложніцай культурных стэратыпаў, з другога, маючы большай жадой жыцця, чым Доллі, але меншым эгоізмам, чым Анна, мела б усе шансы праявіць гібкасць характэра і ўспешна ў усіх сэнсах адаптавацца ў існуючай культурнай асяродку.

Разглядаючы персанажэй-мужчынаў, я звярнуў найбольшае ўважанне на тры цэнтральныя фігуры: Стэпана Аркадзевіча, Левіна і Вронскага. Гаворыўшы вышэй аб тым, што жанчыны былі заложніцамі культурных рамаў, нельга адмаўляць і таго, што ў падобным становішчы былі і мужчыны, проста за яўнай яго выігрышнасцю не ўсе з іх адчуваўлі гэту залежнасць. Яркімі прадстаўнікамі патрыархальна-кансерватыўнага парадку з'яўляюцца з пункту гледжання такія розныя, але на справу – дзве бакі аднаго медалю: Стэпан Аркадзевіч і Канстанцін Левін. Яны – два разнаплановыя парадкі традыцыйнай культуры таго часу. Першы – тыпічны прадстаўнік гарадскога дваранства, другі – дэравенскі барін, не аторваны ад перабытнасці рускага крэстьянства. Іх розніцы, на якіх акцэнтуе наша ўважанне Л.Н. Толстай, канечна, прысутствуюць, але на справу вельмі мнмы, ібо толькі афармленне жыцця гэтых персанажэй адрознівае іх, але, будучы парадкамі аднаго культурнага мадэлю, аднаго часу, з'яўляюцца абсалютна стандартнымі і тыповымі яго прадстаўнікамі, яны нікуды не могуць ад гэтага ўвайсці, нягледзячы ні на якія спробы.

Стандартная сямейная жыццё Стэпана Аркадзевіча пратэкае спакойна і інертна. Яму ў сваёй сям'і зручна з чыста функцыянальнага пункту гледжання. Сильных чутваў да жонкі ў яго няма, што стварае ў ім унутраны канфлікт, які ўрэшце прыводзіць да змянення і стварае ўжо наступнае зло ў ланцужку жыцця, а менавіта, сцены з жонкай, карысны інтарэс і адсутнасць раскавання як такога, што і пацвярдзена ў наступным эпізодзе. «Стэпан Аркадзевіч быў чалавек правдывы ў адносінах да сябе самому. Яны не маглі абманваць сябе і ўвертаць сябе, што яны раскаваюцца ў сваёй паступку. Яны не маглі цяпер раскавацца ў тым, што яны, трыццацічатырыхлетні, прыгожы, влюбчывы чалавек, не быў влюблен у жонку, маючы пяці жывых і двух умершых дзіцяў, бывшую толькі годна моладзе яго. Яны раскаваліся толькі ў тым, што не ўмелі лепш скрыць ад жонкі. Яны прачелі лісты. Адно было вельмі непрыятнае – ад купца, купаванага лесу ў імя жонкі. Лес гэты неабходна было прадаць; але цяпер, да прымянення з жонкай, не магло быць аб гэтым гаворы» [3, с. 8].

Канстанцін Левін – чалавек саўсім іншага жыццёвага афармлення. К. Хорні дае наступную характэрыстыку такому асобнаму тыпу: «Патрэбнасць асобнага асобы ў прыватнасці мае вызначаныя характэрыстычныя рысы. Испытываючы адваротнае да спаборніцтва, прадстаўляючы вынік паслядоўнай працы над сабою, асобна асобна лічыць, што скрытыя ў ёй сокровішчы павінны прыналежаць ёй без усякага ўдзелу з яе боку; яе ўнутранае велічча павінна чутва-

ваться без какого-либо движения. В своих мечтах, например, такая личность может вообразить себя спрятанным в отдаленной деревушке сокровищем, поглядеть на которое ценители съезжаются издалека. Подобно всем представлениям о превосходстве приведенный пример содержит некоторый элемент реальности. Спрятанное сокровище символизирует богатую интеллектуальную и эмоциональную жизнь невротика, которую он хранит внутри волшебного круга» [2, с. 62]. Он есть олицетворение некой библейской серьезности (несмотря на то, что неверующий), уверенности в незыблемости своих установок и вместе с тем некой тайной ранимости в совокупности с демонстративной отрешённостью от людской суеты. Являясь в город, при встрече со своим приятелем Степаном Аркадьевичем и находясь в обществе городского дворянства, он как будто предпринимает попытку примерить на себя роль снизошедшего до людской суеты, роль существа, познавшего нечто сакральное, что в принципе недоступно рядовому обывателю, но, тем не менее, просто и очевидно. Однако следует заметить, что, поскольку описанное состояние есть лишь неумелая маска, под которой Левин пытается скрыть внутренние терзания, связанные с устройством личной жизни, его «явление» не возымело должного эффекта, и вместо восторженных взглядов и обывательского благоговения он в лучшем случае удостоивается ироничных замечаний со стороны Степана Аркадьевича, в худшем – желчной критики со стороны графини Нордстон. Переживания Левина, его неуверенность и метания в процессе разговора со Степаном Аркадьевичем Облонским о предложении к Кити явно выдают его напускное величие и хладнокровие. Это отражено и в тексте романа. «Убеждение Левина в том, что этого не может быть, основывалось на том, что в глазах родных он невыгодная, недостойная партия для прелестной Кити, а сама Кити не может любить его. Он шёл по дорожке к катку и говорил себе: “Надо не волноваться, надо успокоиться. О чём ты? Чего ты? Молчи, глупое”, – обращался он к своему сердцу. И чем больше он старался себя успокоить, тем всё хуже захватывало ему дыхание. Знакомый встретился и окликнул его, но Левин даже не узнал, кто это был. Он подошёл к горам, на которых гремели цепи спускаемых и поднимаемых салазков, грохотали катавшиеся салазки и звучали весёлые голоса. Он прошёл ещё несколько шагов, и перед ним открылся каток, и тот час же среди всех катавшихся он узнал её. Он узнал, что она тут, по радости и страху, охватившим его сердце» [3, с. 23].

Примерно так подобное состояние описывается в работе К. Хорни о невротической личности: «Прямым результатом тревожности, связанной с невротическим соперничеством, является страх неудачи и страх успеха. Страх неудачи отчасти является выражением страха быть униженным. Любая неудача становится катастрофой» [4, с. 250]. И действительно, после неудавшегося предложения Кити Левин уходит в себя, ещё более закрываясь от общества, вынашивает мысли о женитьбе на крестьянке, что определённым образом может быть нами воспринято как стремление к компромиссу, свойственное для невротической личности такого типа. К. Хорни уточняет по этому поводу: «Невротик стремится и приходит к компромиссным решениям – не случайно называемым невротическими, – и эти решения менее удовлетворительны, чем решения нормального человека, и достигаются дорогой ценой для личности в целом» [4, с. 11]. Вообще, Левин, будучи ярким примером личности, движущейся от людей, во многом подпадает под описание, данное такому типу в работе К. Хорни «Наши внутренние конфликты»: «Решающим признаком можно считать внутреннюю потребность невротиков обособленного типа устанавливать эмоциональную дистанцию между собой и другими. Более точно – их осознанная или бессознательная решимость не позволяет вовлекать себя в эмоциональную связь с другими, будь то любовь, борьба, сотрудничество или конкуренция. Они очерчивают вокруг себя что-то вроде волшебного круга, который никто не имеет права пересечь. Вот почему чисто внешне они могут оставаться “одио-

ними” и на людях. Компulsiveный характер этой потребности обнаруживается в их тревожности при столкновении с реальным миром» [2, с. 57].

В данной ситуации уже неудивительным становится то, что возлюбленная Левина Кити Щербацкая, будучи представительницей городской, светской культуры, во многом свободная от пережитков традиционализма, отказывает изначально Левину в пользу Вронского, который держится как бы особняком от консервативно-традиционного общества, но тем не менее умеет находиться как бы и при нём, в случае необходимости органично вписываясь туда. Последующая любовь к Анне – единственная слабость этого персонажа, которая и низвергает его, доселе не ведавшего душевных терзаний, в пучину внутренних конфликтов.

Осознавая тягостность своего положения, объявив, как и Анна, протест доминирующей культурной традиции и светским приличиям, Вронский гораздо раньше понимает всю их обречённость, всю бессмысленность происходящего, что и описано в одной из глав романа следующим образом: «Он подошёл к двери и затворил её; потом с остановившимся взглядом и стиснутыми крепко зубами подошёл к столу, взял револьвер, оглянул его, перевернул на заряженный ствол и задумался. Минуты две, опустив голову с выражением напряжённого усилия мысли, стоял он с револьвером в руках неподвижно и думал. “Разумеется”, – сказал он себе, как будто логический, продолжительный и ясный ход мысли привёл его к несомненному заключению. В действительности же это убедительное для него “разумеется” было только последствием повторения точно такого же круга воспоминаний и представлений, через которые он прошёл уже десятки раз в этот час времени. Те же были воспоминания счастья, навсегда потерянного, то же представление бессмысленности всего происходящего в жизни, то же сознание своего унижения. “Разумеется”, – повторил он, когда в третий раз мысль его направилась опять по тому же самому заколдованному кругу воспоминаний и мыслей, и, приложив револьвер к левой стороне груди и сильно дёрнувшись всей рукой, как бы вдруг сжимая её в кулак, он потянул за гашетку» [3, с. 315]. Как мы можем наблюдать, когда Вронский и Анна идут вразрез с устоявшимися нормами, борьба против них в равной степени измощает обоих. Они, будучи бессильными в отношении социальной системы, будучи неспособными понять друг друга и разрешить внутренние и внешние противоречия, не могут удовлетворить своих индивидуальных потребностей, ибо не понимают и не пытаются понять потребностей друг друга. Вронский и Анна (в первую очередь, она, ибо ещё не осознала обречённости) лишь выдвигают обвинения и упрёки друг против друга. К. Хорни описывает подобное состояние примерно следующим образом: «Женщина, цепляющаяся за мужчину, на которого она перекладывает всю ответственность за свою жизнь, может абсолютно не обращать внимания на то, можно ли в самом деле полагаться на данного человека, действительно ли она счастлива с ним, любит ли и уважает ли она его» [5, с. 13].

Таким образом, рассмотрев ряд значимых персонажей романа «Анна Каренина», можно сделать вывод о том, что описанное в произведении соответствует в ряде случаев психоаналитической парадигме К. Хорни, которая исчерпывающе раскрывает и объясняет проблемы и конфликты главных героев. В заключение хотелось бы привести ещё одну цитату из работы К. Хорни, которая лишь подтверждает высказанные выше суждения: «Жизнь с неразрешёнными невротическими конфликтами влечёт не только распыление усилий, но и двусмысленность в вопросах морального характера, т.е. двойственность моральных принципов и всех чувств, аттитюдов и поведения, на которых держатся отношения невротика с другими и которые влияют на его развитие. И как распыление усилий ведёт к бесполезной трате энергии, так и двойственность в моральных вопросах ведёт к потере нравственной последовательности и искренности или, другими словами, к ослаблению нравственной целостности. Подобное ослабление порождается

противоречащими друг другу позициями, занимаемыми невротиком, а также его попытками скрыть все эти противоречия» [2, с. 143].

Применение психоаналитической парадигмы не случайно, если учесть глубокий психологизм исследуемого произведения. На наш взгляд, особенность «Анны Карениной» прежде всего в том, что Л.Н. Толстой преследует цель детального разбора каждой отдельной ситуации, каждого отдельного персонажа, тонко описывая всю палитру переживаний и эмоций. Именно благодаря этому психоаналитический разбор этой истории способен в наибольшей степени уточнить проблемы, затрагиваемые Л.Н. Толстым, но уже не на художественном, а на научном уровне. Так, можно наблюдать, что практически все конфликты романа вызваны трудностями, существующими в данное время, в данной культуре, внутренняя незащищённость, особенно свойственная Долли и Левину, порождающая чувство неполноценности и агрессию, во многом свойственна Анне и Вронскому.

В финале романа читатель может увидеть торжество того самого традиционного уклада, ознаменованное повержением главного его врага, а именно, Анны, тихим, стабильным и вместе с тем безумно скучным и убогим существованием семьи Облонских во главе с ярко выраженным конформистом Степаном Аркадьевичем, а также принятие Вронским после смерти Анны позиции «ухода от людей». Состояние Вронского весьма красноречиво описано в одном из его финальных монологов. «Я, как человек, – сказал Вронский, – тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит. А что физической энергии во мне довольно, чтобы врубиться в каре и смять или лечь, – это я знаю. Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла» [3, с. 585]. Следует всё же обратить внимание и на некую пафосность и наигранность этих слов. Складывается ощущение, что Вронскому всё же жаль себя. На наигранности всего этого акцентирует внимание и Толстой в одном из комментариев касательно графа Вронского: «Он сделал нетерпеливое движение скулой от непрерывающей ноющей боли зуба, мешавшего ему даже говорить с тем выражением, с которым он хотел» [3, с. 583]. Тем не менее он уходит на войну, казалось бы, в самую гущу событий, на самый пик риска, но, как бы это ни звучало странно, Вронский уходит в покой, для него война есть забытие, есть та спасительная тишина, заглушающая сердечную боль, и боль уязвлённого самолюбия, и тоску от потраченных лет сожжённой жизни.

Свадьба Константина Левина и Кити Щербацкой – ещё одно свидетельство победы культурных стандартов над бунтующими одиночками, однако победы неполной, ибо Кити предстаёт перед нами всё же человеком иного плана, нежели типичная женщина тех лет. С виду покорившаяся и смирившаяся с требованиями культурных рамок, она всё же не отошла от сути своей и, полюбив все доброе в муже, но сохранив живость ума, решительность действий и критичность мышления, преодолела внутренние конфликты, нашла оптимальный путь личностного развития, не вступая в открытые противоречия с культурной системой.

Заключение

Таким образом, мы можем наблюдать, как культурная система и порождаемые ею стереотипы в отношении мужского и женского влияли на жизнь людей тех или иных психологических характеристик. В современном мире рассмотренные вопросы также не потеряли актуальности ввиду как обострившихся проблем традиционного брака, так и возникновения принципиально важных для разрешения вопросов, связанных с трансформацией гендерных и брачно-семейных отношений. В нынешний переходный период, обусловленный кризисом традиционной полоролевой системы и института семьи в целом, обращение к классическим примерам данных ситуаций при помощи науч-

ных методик может помочь переосмыслить ключевые проблемы этого направления человеческих отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хорни, К. Женская психология / К. Хорни. – СПб. : Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1993. – 209 с.
2. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни – М. : Акад. проект, 2007. – 224 с.
3. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. – Минск : Беларус. сов. энцикл., 1979. – 610 с.
4. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 464 с.
5. Хорни, К. Самоанализ / К. Хорни. – СПб. : Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1993. – 253 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2016

Stolyarov D. V. Analysis of Gender Relations in the Novel by L.N. Tolstoy's «Anna Karenina» with Karen Horney Psychoanalytic Paradigm

The paper deals with the specificity of gender relations in the novel «Anna Karenina» by L.N. Tolstoy. Phenomena of gender discrimination and double standards are analyzed. The nature and characteristics of social mechanism, provoking similar phenomena, are considered by the example of literary characters. For the purpose of detailed analysis of scientific nature psychoanalytic conception of famous researcher K. Horney is applied. Using this theory research shows and explains the meaning of interaction between culture and human in the gender sphere.